

[Липовецкий 2014, с. 215]. Оговорки — которая была бы абсолютно избыточна в том ракурсе, который избрал М. Липовецкий, — заслуживает, возможно, лишь то, что сам контекст «ликующего оптимизма» не был уж настолько однородным. Присутствие «зла» ощущалось и в произведениях разных авторов, зачастую оно представало трагедией: «А Мальчиша-Кибальчиша схоронили на зеленом бугре у Синей Реки», 1935. Другое дело, что трагедия, в свою очередь, описывалась в терминах оптимизма, и в этом смысле ситуация в детской литературе опять-таки принципиально не отличалась от положения во взрослой — вспомнить хотя бы «Оптимистическую трагедию» В. В. Вишневского, 1933. Во время предварительного обсуждения статьи И. Е. Лоцилов очень точно напомнил «о непреднамеренном “хорроре” раннесоветской детской литературы о беспризорниках, детском голоде («Правонарушители» Л. Н. Сейфуллиной, «Ташкент — город хлебный» А. С. Неверова, 1923, «С мешком за смертью» С. Т. Григорьева, «Волки» В. М. Андреева, 1925, и др.), о мотиве инфантицида (детоубийства: рассказ «Дите» Вс. В. Иванова, 1922) и — опять же — связанном с ним канибализме в рассказе того же автора, Вс. Иванова, “Полая Арапия”, 1923». Все эти тексты тоже, безусловно, могли бы стать предметом разговора в связи с заявленной темой. В перспективе становления советской «эстетической этики» значимо, что этот «натурализм» принадлежит именно ранней советской литературе, еще не находившейся под диктаторским влиянием сталинского (в определенном смысле — горьковского и маршакковского) «канона». Если вновь обратиться к литературе для взрослых — в те же 1920-е гг. еще были сильны позиции, например, Б. А. Пильняка и И. Э. Бабеля, тоже не разделявших умеренную политику страха и насилия, которая постепенно утверждала себя в советском дискурсивном пространстве. Можно еще вспомнить «Агитвагон» М. С. Шагинян, 1923. Особого разговора в этом отношении, вероятно, требуют и военные 1940-е гг.

⁶ О современной русской страшной литературе, адресованной специально детям, и в частности, о ее отношении к западной традиции пишет, например, И. Сергиенко [Сергиенко 2012].

В. Зубарева

МИССИОНЕРСКАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА ДЛЯ ПОДРОСТКОВ НАЧАЛА ХХІ В.

Почему-то некоторые авторы считают, что вполне достаточно быть православным, чтобы сразу писать не хуже Льва Толстого или даже самого Пушкина.

М. А. Аникин «О современной православной литературе» [Аникин 2014, с. 7]

В начале ХХІ в. в отечественной детской литературе заявил о себе сравнительно новый жанр: православная миссионерская беллетристика. Это явление представляется заслуживающим пристального внимания, так как в нем соединяются новаторские поиски авторов, пишущих для детей, продолжение уже существующей традиции детской литературы, а также отражение социокультурных процессов современности.

Несмотря на то, что традиция религиозной, в том числе и православной, литературы, обращенной к детям, берет свое начало в самом раннем периоде существования детской книги, миссионерских православных произведений для детей прежде не существовало. Для авторов дореволюционных эпох важно было духовное и нравственное воспитание детей, христианская (православная) основа которого подразумевалась по умолчанию. Каждый «природный обыватель» Российской империи был крещен и ходил в церковь, хотя бы в детстве. Дети рано знакомилась не только с повседневными формами благочестия, но и с основами церковнославянского языка. Большинство дореволюционных азбук состояло из трех частей: русская азбука, тексты для чтения, состоящие в основном из богослужебных текстов и фрагментов из Священного Писания, и церковнославянская грамота. Книжки, адресованные детям или входящие в круг детского чтения, учили быть *хорошим* христианином. Положительные герои этих произведений посещали церковь и помогали бедным, это была обыденная практика, нечто само собой разумеющееся.

Мерилом душевного совершенства героя детской книги была не религиозность, а благотворительность. Мать, заботясь о нравственном воспитании дочери, непременно учила ее помогать неимущим: «Я желаю, чтобы вы час в день употребляли на шитье бедным», — говорит своим дочерям героиня анонимной английской повести «Мери и Флора» [Костюхина 2011, с. 31]. Авторы XIX в. умели почти любой эпизод свести к теме страданий бедняков. Например, повесть «Зимний вечер, или Беседа маленьких философов перед камином» (1853) начинается репликой маленького Николая: «Как приятно греться у камина, особенно в такой холод, как сегодня!» Ему отвечает девочка Надя: «Правда!... И сколько же бедных людей могли бы позавидовать нам в этом! Сколько бедных принуждены мерзнуть, не имея ни теплой одежды, ни дров!» [Зимний вечер 1853, с. 147].

В советское время появление миссионерских произведений для детей было невозможно по идеологическим причинам: православие было фактически запрещено как враждебное коммунистической доктрине учение, являлось синонимом невежества и мракобесия.

Только с концом советского строя отношение государства к церкви стало более лояльным. В 1992 г. по центральному телевидению впервые был показан сюжет о посещении президентом РФ Б. Н. Ельциным Рождественской службы в храме Христа Спасителя, таким образом, власть дала понять, что эпоха воинствующего атеизма в нашей стране закончилась. В период с начала 2000-х гг. Русская православная церковь активно заявила о себе как о самостоятельной социально-политической силе. Такая стратегия нашла свое отражение и в сфере воспитания подрастающего поколения. Так, например, в 2012 г. в обязательную школьную программу для 4 класса был включен курс «Основы религиозной культуры и светской этики», в рамках которого родители могут выбрать один из шести модулей (основы православной, исламской, буддийской, иудейской культур, основы мировых религиозных культур, основы светской этики). Православная церковь выражает заинтересованность в дальнейшем расширении этого учебного курса, в начале февраля 2015 г. патриарх Кирилл в докладе на Архиерейском совещании в Москве объявил: «Направлено письмо министру образования и науки Российской Федерации Д. В. Ливанову с предложением организовать преподавание курса во втором, третьем и четвертом классах, а также ввести преподавание религиозных культур или светской этики по выбору семьи школьника в 5–9 классах» [Патриарх Кирилл 2015, с. 24].

Очевидно, что сегодня осуществляется вторичная христианизация страны и в этом контексте задача православных авторов состоит в том, чтобы научить детей быть *православными христианами*. В 1990-е гг. многие издатели обращались к дореволюционным детским текстам, стараясь не замечать того, что за столетие большинство этих произведений безнадежно устарело. Например, издательство «Отчий дом» в 1998 г. выпустило сборник «Незабудка», составленный из выпусков одноименного журнала для детей за 1914–1917 гг. В предисловии говорилось: «Познакомься с “Незабудкой”, и пусть она станет твоим другом. С этой книгой тебе не придется скучать!» [Незабудка 1998, с. 3]. Затем шли рассказы, монотонный стиль которых труден для восприятия даже взрослых читателей: «В настоящее время батюшка был занят вопросом открытия при станции детского сада для детворы прихожан <...>. Громову пришла благая мысль использовать молодые силы своей семьи в этом добром деле» [Свирестелев 1998, с. 159].

Подобные тексты устарели не только стилистически — они не способны выполнять миссионерскую задачу, стоящую перед современными православными писателями. Сегодня перепечатки посредственных дореволюционных текстов религиозной тематики практически прекратились, из авторов первой половины XX в. чаще всего издают признанных мастеров слова И. С. Шмелева и В. А. Никифорова-Волгина, поэтически изображающих церковные обряды и быт православных христиан.

В настоящее время наметился круг современных авторов, называющих себя «православными писателями», среди которых живущая во Франции Юлия Вознесенская, протоиерей Александр Торик, бывший журналист, а ныне монах Варнава, писатель и педагог из Беларуси Борис Ганаго, супруги-психологи Дмитрий Савельев и Елена Кочергина, пишущие в соавторстве, уральский прозаик Анатолий Лимонов и др. Как можно видеть, среди создателей религиозной литературы присутствуют не только представители духовенства, но и светские авторы, круг которых достаточно широк.

Перед писателями, взявшимися за создание миссионерского произведения для юношества, стоит задача научить своих читателей быть православными христианами. Беллетристика далека от догматики, и у пишущих для подростков нет цели преподать читателям урок катехизиса, тем не менее, по умолчанию, предполагается получение читателями некоего нового знания о религиозной картине мира и христианском (православном) вероучении, что

предполагает изображение присутствия в нашем мире высших сил. Эта задача обуславливает наличие в некоторых произведениях апокрифических и — что неожиданно — даже фольклорных элементов.

Так, например, в повести протоиерея Александра Торика «Димон» главный герой книги, ученик одиннадцатого класса Димон, с помощью схимонаха Афанасия отправляется в загробный мир, чтобы разыскать душу находящейся в коме любимой девушки Марины и вернуть ее в мир живых. Сюжет восходит к мифу об Орфее и Эвридике и представляет собой вольное переложение церковного учения о мытарствах, согласно которому душа умершего проходит череду испытаний. На каждом этапе бесы представляют список нераскаянных грехов, а ангелы — добрых дел; если список ангелов длиннее, душа переходит к следующему испытанию. Под «мытарствами» в «православной традиции понимаются испытания, через которые должна пройти каждая душа на пути к Богу, до окончательного решения ее участи на Страшном Суде» [Плюснин 2012, с. 3]. Единого мнения относительно учения о мытарствах, кажется, нет. Это связано с тем, что учение относится к церковному преданию и не имеет догматического значения. «Из этого не следует, что его каким-то образом следует подвергать сомнению. Это значит лишь то, что образы, в которых Священное Предание и, в более широком смысле, церковное предание доносят до нас учение о мытарствах, не заключены в определенные, раз и навсегда принятые Церковью догматические, то есть несомненные в своей истинности формулировки. Эти образы в разные века могут подвергаться различному осмыслению и толкованию» [Огицкий, Козлов 1999, с. 86].

Автор учебника по «Основам православной культуры» протоиерей Андрей Кураев относит «Мытарства блаженной Феодоры» к апокрифам и считает, что это «текст сомнительного происхождения и содержания. Догматически он неверен потому, что не оставляет места для Божия Суда. Спаситель сказал, что “Отец весь суд передал Сыну”, но в этой книжке весь суд вершат бесы» [Кураев 2009]. В «Мытарствах преподобной Феодоры» душа проходит через двадцать испытаний, что символизирует двадцать грехов: это празднословие, ложь, клевета, чревоугодие, леность (в том числе нерадение в церковной жизни), воровство, скупость, присвоение чужого, неправда, зависть, гордость и возвеличивание себя, жестокосердие, злопамятность, убийство, колдовство и призвание бесов, блуд, прелюбодеяние, содомские грехи, ересь, немилосердие [Житие преподобного Василия Нового 2009, с. 14–49].

В повести «Димон» герой, попадая в загробный мир, бродит по огромному зданию, напоминающему торговый центр, в сопровождении ангела и беса, «персонального менеджера Тофика» (от немецкого *Der Teufel*). Каждое мытарство в повести представляет собой не суд, а искушение, и герой, как и каждый умерший, соблазнившись, может сделать «Главный Выбор», подписать контракт с нечистой силой и навсегда остаться в выбранном пространстве. Таким образом, автор утвердительно отвечает на вопрос, возможно ли спасение души в загробной жизни, после физической смерти, что противоречит православному вероучению (понятие чистилища принадлежит католицизму). Автор оставляет из двадцати искушений только восемь, по его мнению, наиболее опасных для современного человека, герои проходят через восемь залов: «зал коммуникации» (празднословие), «зал свободы распространения информации» (клевета). Третий зал — «гурмания», где в искушение автор включает наркотики:

Димка обернулся и ахнул — ни фигушеньки себе! Колумбия со своими жалкими наркобаронами может спать спокойно! Развернувшаяся перед ним панорама потрясала... Белоснежные горы героина, стога конопли и бетеля, бескрайние просторы маковых плантаций, штабеля упаковок амфетаминов, барбитуратов и экстази, опиум, ЛСД, контейнеры галлюциногенных грибов, бесконечные ряды кальянов, стеллажи шприцев — не перечесать всех средств и приспособлений, изобретенных для «расширения сознания» и «астральных путешествий», призывно выставленных напоказ вокруг.

[Торик 2009, с. 83]

Четвертый зал, куда Тофик ведет Димона, — богатство (деньги), затем герой проходит сектор «культурного обладания» — неумеренное потребление, не задерживается в «царстве эроса» и попадает в «компьютерные игры». Это пространство трудно соотносить с первоисточником, герой там встречается с отцом и задерживается дольше, чем в других местах. Затем следует «достоинство величия» (гордыня): именно в этом пространстве Марина решила остаться, соблазнившись званием королевы красоты. Димон предлагает остаться в аду вместо любимой девушки, и за это самоотречение их обоих отпускают в мир живых, где Марина приходит в себя после комы, влюбляется в юношу, и они вместе начинают посещать собрания молодых христиан. Можно сказать, что автор предпринял попытку раскрыть суть христианства в традиционной трактовке как религии жертвенной любви, где кульминацией

является решение героя, движимого любовью и состраданием, обречь себя на вечные муки.

В повести Е. Г. Санина (монаха Варнавы) «Денарий кесаря», вышедшей в «Православной библиотеке приключений» в 2010 г., рассказывается о каникулах молодого человека в деревне. Здесь тема посмертных мытарств сопровождает духовное становление одного из героев повести Василия Голубева, завершающееся его превращением из школьного учителя истории в почитаемого старца отца Тихона.

В первый раз будущий отец Тихон слышит о мытарствах в автобусе от направляющейся в церковь старушки: «И вас и меня ждет одно и то же. К нам сразу подойдут два ангела. Один ангел светлый — с правой стороны, и другой — бр-р! — страшный, черный слева. И поведут нас по мрачным коридорам, где множество комнат. И в каждой из них нам будут предъявлены обвинения... И таких комнат — двадцать. И в каждой мы будем судиться за наше зло и вообще за все греховные и нераскаянные дела» [Монах Варнава 2010б, с. 199]. Интересно, что автор остается в стороне от богословской полемики, в тексте прямо не говорится, кто же будет судьей.

Второй раз заводит разговор о мытарствах уже сам Голубев, спрашивая у старичка-искусствоведа, что же тот думает о «коридоре»:

Насчет коридора не знаю... — покачал головой ученый. — В переводе на современные понятия, это, наверное, скорее, что-то наподобие таможни, где будет проверяться весь набранный за жизнь багаж, с которым мы направимся в Царство Небесное. Там ничего уже нельзя будет декларировать или припрятать! Хорошо, если у нас найдут одни добродетели. Ну, а если это будут одни нераскаянные грехи?

[Монах Варнава 2010б, с. 236]

Ученый говорит о посмертном воздаянии в общем, не отделяя мытарства от Страшного Суда.

Последний раз в повести тема мытарств возникает в переломный момент жизни героя. Василий Иванович Голубев читает ученикам на открытом уроке перед министром образования отрывок из «Жития Василия Нового» о мытарствах преподобной Феодоры, то есть первоисточник. Чтение заканчивается увольнением директора школы и самого учителя, который спустя какое-то время становится монахом [Монах Варнава 2010б, с. 435–439].

Автор сначала предлагает читателям две интерпретации — наивно-реалистическую и метафорическую, не отдавая предпочтения ни одной из них, а затем уже знакомит читателя с оригинальным

текстом мытарств. Необходимо отметить, что в цикле повестей монаха Варнавы современная православная культура не предстает цельной, герои принадлежат к различным социальным сферам: это паломники, «церковные люди», поведение которых обусловлено своеобразием «прихрамовой культуры», интеллигенция (начальник археологической экспедиции Владимир Всеволодович, главный герой Стас Теплов, сын известного кардиохирурга, сам о. Тихон, учитель истории). Подростки, герои повести, общаясь с паломниками, постепенно знакомятся со специфическими воззрениями и бытовой практикой «церковных людей». Их простодушная детская вера не отталкивает подростков и даже, что кажется немного странным, не удивляет: «А ведь крестное знамение, пишут, даже радиацию уничтожает! — И не только радиацию! — подхватила пожилая женщина. — Я всегда, как продукты с рынка принесу — сразу святой водой кроплю и крестным знаменем осеняю!» [Монах Варнава 2010а, с. 156. Ср. в сборнике «Православные чудеса в XX в.» один из разделов называется «Благодать Божия спасает от атомной радиации» [Православные чудеса... 1993, с. 98]. Разговоры и рассказы паломников, совместная молитва передают мистическую атмосферу «прихрамовой культуры» [Тарабукина 1999], далекую от невоцерковленного молодого человека.

В повестях немало коллизий, позамыслованных из обихода так называемого народного православия. В книгах монаха Варнавы они группируются вокруг складывающегося культа местнотимого святого. В начале первой повести цикла отец Тихон — осаждаемый посетителями прозорливый старец в монастыре. После возвращения в родную деревню, где он должен для искупления греха (помогал разрушать церковь) восстановить храм, ему дается дар чудотворства. После разговора с отцом Тихоном хулиган Макс видит, как сама собой зажглась свеча в его комнате. После смерти отца Тихона оказывается, что земля с его могилы обладает целебными свойствами:

Вам надо обязательно взять земли с могилки этого старца, он в Покровке, здесь похоронен! <...> И помазать ей ноги! Недавно один мужчина — даже от гангрены исцелился и ненужные больше костыли у Григория Ивановича оставил. Поверьте, вам тоже станет сразу же легче! А, может быть, и совсем пройдет!

[Монах Варнава 2010б, с. 374]

Лечение землей с могилы почитаемого праведника распространено в народном православии:

Даже вот я слышала по народу, что из Весьегонска приезжали и на автобусе, брали земли оттудова. <...> Лечиться. Вот потрут там, чего болит, землей евонной. Он сказал: «Пускай люди лечатся!» Знали это все и стали ездить. Я сама ходила.

[Зубарева, Лурье 2004, с. 201]

В повести «Белый гонец», следующей в цикле «Тайна рубинового креста», культ отца Тихона уже вполне сложился, люди приезжают издалека, чтобы обратиться к нему со своими просьбами. Потустороннее заступничество отца Тихона помогает невинно осужденному освободиться из тюрьмы [Монах Варнава 2010а, с. 124], облегчает состояние одержимого бесами, трижды является во сне больному раком и велит ехать на свою могилу в Покровку, за что обещает (и дает) исцеление [Монах Варнава 2010а, с. 122]. Таким образом, в цикле повестей монаха Варнавы представлен практически весь комплекс сюжетов, составляющий «текстовое сопровождение» народного почитания могилы праведника. Это говорит о трансформации официальной религиозной доктрины на страницах беллетристики для юношества в квазирелигиозную литературу, описывающую не столько основы вероучения, сколько представления и повседневные практики благочестия современных верующих православных, относящихся к прихрамовой среде.

Современная проза, обращаясь к подросткам с целью привести их души к Богу, чаще всего использует два распространенных сюжета, поскольку прийти к воцерковлению в сознательном возрасте можно двумя путями: сделав самостоятельный выбор под влиянием обстоятельства (как герой повести «Дімон») или под влиянием верующего человека, как в повестях монаха Варнавы, где отец Тихон меняет жизнь всей деревни. Повесть белорусского православного писателя, Бориса Ганаго «Чудик» тоже относится к таким произведениям. Православный юноша приезжает на каникулы в погрязшую в безбожии деревню и за лето полностью меняет жизнь местных жителей. Книга погружает читателей в стихию мифологического сознания. Можно предположить, что задача автора — показать несостоятельность суеверий, но делает Борис Ганаго это весьма своеобразно. Весь ход повествования призван убедить читателей, что между Богом и колдуном надо выбрать первого, поскольку он «сильнее», а быть на светлой стороне силы выгоднее. Основная сюжетная коллизия повести — противостояние собирающегося поступать в семинарию Серафима и юного колдуна Леонида. Здесь также присутствуют практически все известные в фольклоре колдовские сюжеты:

тяжелая смерть колдуна, передача магической силы, «черная книга» как атрибут колдуна, бес-помощник, любовная магия (присушки), порча. В то же время некоторые сюжеты в фольклоре не встречаются: колдун не может быть заводилой и неформальным главарем молодежной компании, не может никого «втягивать» в колдовство, не может посылать помощников подкинуть вредоносные предметы.

С колдовством в книге сталкивается не только Серафим, но и другие персонажи. Его тетя Тамара рассказывает племяннику, что не могла выбрать, за кого из двух поклонников ей выйти замуж. Один ей нравился больше, но любил выпить, и это ее останавливало. «Соперник тоже ждать не хотел. За помощью пошел к Комарихе, к колдунье, чтобы она меня к нему приворожила. Комариха ко мне повадилась, что-то испить уговаривала. Семен, как узнал, ворвался к ней, посадил ее в погреб да на крышку сундук придвинул. Она там сутки просидела, пока соседки не спохватились — куда ведьма исчезла? Вытащили. Та подала в суд на Семена» [Ганаго 2008]. Если предположить, что пожилая женщина не была колдуньей, то ее единственная вина заключается в том, что она заходила в гости к соседке и однажды принесла угощение. Но у героев книги (и у автора) нет никакого сомнения, что невинно пострадал в этой ситуации пьяница Семен. В повести он возвращается из тюрьмы православным христианином, «сняв в церкви все заклатья» и женится на Тамаре. Бросил ли он пить, в тексте не говорится.

Если авторы XIX в. объясняли веру в колдовство темнотой и необразованностью народа, то в XXI в. (повесть 2006 г.) в колдовство верят и священник отец Павел, и главный герой Серафим, и — создается впечатление — сам автор. События истолковываются, исходя из магического контекста. Бог в этом контексте всего лишь более мощная сила, оберег. Серафим рассказывает быличку о том, как колдуну не удалось навредить православной семье. Колдун говорит: «Ничего не могу с ними поделать: в доме у них иконы, на груди у каждого крест. День с молитвы начинают, на ночь молятся, Евангелие читают. Без благословения на улицу не ступят, дела никакого не начнут. В магазине в очереди и то молитву шепчут. Как к ним подступиться?! На ваш вопрос сами себе ответьте: стоит ли колдунов бояться или лучше с Богом жить?» [Ганаго 2008]. После такой пламенной проповеди все жители деревни начинают записываться на освящение домов.

Картина мира, с которой автор знакомит юных читателей повести, представляется не вполне каноничной: «Вселение бесов или другие их способы воздействия на человека никогда не совершаются

помимо Божественной воли (Иов 1:12, 2:6). Поэтому народные поверья, признающие при наведении порчи безраздельную власть одного человека над другим, являются глубоко ошибочными» [Православная энциклопедия 2002, с. 685–686].

Книга Бориса Ганаго адресована старшеклассникам, но среди молодежи вера в колдунов не распространена:

В православной среде <...> верят в колдовство пожилые женщины, многие из которых одновременно и активные церковные прихожане, а более молодые люди придерживаются секулярной объяснительной модели (когда несчастья приписывают естественным причинам) или, по крайней мере, декларируют это, стесняясь прослыть суеверными.

[Христофорова 2011, с. 91]

Деревенские колдуны для героя — «свои поганые», они входят в ту же картину мира, с ними можно бороться и побеждать, утверждая торжество православия. Настоящий враг верующего человека — «магия», оккультизм, к нему особенно нетерпимы православные авторы. Книги «по магии» надо сразу же сжигать. Так поступает Серафим («Чудик»), за интерес к магии наказывается молодой человек из книги монаха Варнавы: бесы вселяются в него после того, как он просто полистал, не читая, зловредную книгу. Старший брат сокрушается: «Мне бы, конечно, вовремя это заметить, да ту магию прямо в огонь. Но сам я был тогда далек от всего церковного...» [Монах Варнава 2010а, с. 215].

Положительный герой православной повести противостоит дьявольским силам (в книгах Вознесенской, Торика, Ганаго) или атеистам. Редкий пример взаимодействия православных героев с представителями другой религии можно найти в вышедшей в 2014 г. приключенческой повести Анатолия Лимонова «Юлька-июлька»: на Кавказе группу православных паломников захватывают в плен чеченские боевики. Герою удается спастись благодаря заступничеству арабского наемника Юсуфа Мансаури, много лет назад учившегося в Советском Союзе на горного инженера. Автор с нескрываемой симпатией относится к герою, оправдывая его преступную деятельность.

И знаете, почему он пришел сюда с оружием в руках, в страну, которая когда-то дала ему и образование, и друзей, подарила любовь? Я считаю, что он просто мстил новой власти, которая развалила великую и могучую державу. Он хорошо помнил, как из-за таких же переделов в его стране он навсегда потерял свою любимую.

[Лимонов 2014, с. 97]

Юсуф спасает паломников, очарованный пением девушки Юли, похожей на его студенческую любовь. Целую ночь, чтобы отсрочить гибель своих друзей, Юля «пела все, что знала: молитвы, праздничные тропари и величания, песнопения Божественной литургии, духовные канты. “Царицу мою преблагую” исполнила трижды, зная, что молитва Пресвятой Богородице произвела сильное впечатление на Юсуфа» [Лимонов 2014, с. 66]. Хотя в современном мире международный исламский терроризм является одной из основных угроз безопасности, Юсуф предстает в повести в роли «благородного дикаря» из романов Фенимора Купера. Для автора не существует религиозных и культурных различий, его не заботит даже правдоподобие сюжета: во время боя Юсуф успевает выложить «на склоне самой высокой вершины огромную бело-розовую надпись из больших камней» [Лимонов 2014, с. 87], запечатлев имя любимой девушки.

Как можно заметить, всех вышеупомянутых авторов объединяет одно: через доступное и занимательное чтение привести душу современного подростка к Богу. Все писатели стремятся говорить с читателями на их языке. Однако авторам решительно не удается передать речь современного подростка: они или игнорируют особенности речевого поведения подростков или же неудачно стилизуют молодежный сленг.

В повести монаха Варнавы юная дочь олигарха говорит, скорее, как умудренная жизнью женщина: «Маленькая? — с сомнением переспросила Рита и почему-то с завистью вздохнула: — Подожди, ты даже не заметишь, как она подрастет и станет уже хозяйкой твоего сердца! У меня на это глаз верный...» [Монах Варнава 2010а, с. 363]. Анатолий Лимонов в начале повести «Клад отца Иоанна» передает внутренний монолог направляющегося в летний лагерь подростка:

А как же я-то ждал этого лета, чтобы вновь увидеть свою прекрасную фею Прасковью! Ведь мы не виделись с ней уже ровно десять месяцев с того самого момента, как за девчонкой закрылась бело-голубая дверца самолета, так внезапно разлучившего нас и прервавшего тот удивительнейший уральский тур... Путешествие, где были только мы одни, да еще прекрасная наша помощница и покровительница — русская природа!

[Лимонов, эл. ресурс]

В повести «Юлька-июлька» Анатолий Лимонов старается одновременно передать пылкую наивность и восточную цветистость речи арабского террориста: «У Юсуфа есть пулемет, он звонко поет! Но он молчит... когда поет Юля...» [Лимонов 2014, с. 63].

Александр Торик в повести «Дімон» пытается адаптировать, приблизить к читателю не только идею посмертного воздаяния за грехи, но и способ передачи этой идеи. Например, узнав о том, что любимая девушка находится в больнице, герой реагирует следующим образом: «В коме, блин! Перец тот вообще ласты склеил, ему какая-то хрень чайник пробила, а Маринка, блин, — в коме!» [Торик 2009, с. 18].

Рассматриваемые здесь повести очень разнородны стилистически. В них можно найти черты разных жанров фольклора (былички, рассказы о местнотимых святых, рассказы о чудесах) и детской литературы (школьная повесть, приключенческая повесть, повесть-сказка, военная повесть). А начало книги Юлии Вознесенской «Юлианна, или Игра в киднеппинг» невольно вызывает в памяти сценарии детских новогодних утренников:

Две светлые фигуры поднялись в небо и полетели через Неву в северо-западном направлении. Некоторое время на галерее собора никого не было. Потом за край балюстрады снизу зацепилась тонкая и длинная мохнатая лапа, рядом с ней появилась вторая, и на галерею вскарабкался некто, похожий на крылатого мохнатого паука с головой кошки <...>

— Так-так-так, — заскрипело чудище отвратительным голосом. — Заговор назревает, заговорчик! Интрижка ангельская затевается! Мелкая такая интрижечка, но все-таки дельце для Михрютки найдется, если с умом взяться.

[Вознесенская]

Сама Ю. Вознесенская определяет жанр «Юлианны» как православное фэнтези. Однако в ее произведениях легко обнаружить традиции женского романа, что позволяет охарактеризовать ее стиль как «православный гламур»: «В черно-зелено-оранжевом будуаре, благоухающем индийскими куреньями и французскими духами, перед компьютером сидела в черном сафьяновом кресле красавица-ведьма Жанна...» [Вознесенская]. Можно предположить, что книги Вознесенской популярны у юных читательниц не потому, что приучают девочек к сложной духовной работе, а потому, что строятся по законам «женской прозы» с ее бесконечными вариациями на тему Золушки и прочего тезауруса девичьих и женских романов. Так, в повести «Юлианна» рассказывается о том, как за девочкой Аней, скромно живущей со своей бабушкой в городе Пскове, приезжает на роскошной машине богатый отец и забирает девочку в Петербург в огромный особняк на Крестовском острове; бедная гувернантка в конце трилогии становится женой преуспевающего бизнесмена, неизлечимо больная бабушка поправляется — и все это в награду

за их религиозность... В трилогии есть даже сцены «православного шопинга»: близнецы Юля и Аня покупают все, что нужно для домашнего иконостаса.

Православные авторы едины в своем отношении к повседневной жизни невоцерковленных подростков. Она представляется в лучшем случае бессмысленным прозябанием (наиболее снисходителен к неверующим монах Варнава), а в худшем — прямым путем в преисподнюю. Дмитрий Савельев и Елена Кочергина переписали повесть Виталия Губарева «Королевство кривых зеркал», создав римейк религиозной направленности — повесть «Страна Духа», где одна из коллизий сводится к тому, что душа главного героя, пятнадцатилетнего Павла, вынуждена повторять его действия в телесном мире:

Здесь работают простые души, вроде меня, — объяснял он Павлу, пока толстый надзиратель засовывал ему в вену шприц...

— Что он нам колет? — зашептал молодой человек, морщась от боли.

— Допинг. Кофеин, — объяснил Левап. — Сейчас еще жрать заставят. И точно, их накормили до отвала какой-то отвратительной пищей. Впрочем, пища была самая обычная: чипсы, шоколадные батончики, орешки, творожные сырки, конфеты. Но у Паши сразу же заболел живот и появилась неприятная отрыжка.

— Теперь — читать! — сказал Левап. Мрачный, тускло освещенный зал был доверху забит журналами для тинейджеров. Попадались там и «Плейбои», которые были немного попроще. Когда у Павла уже порядком заболела голова и повсюду стали мерещиться голые женщины, их повели слушать музыку. Кругом была куча надзирателей, и увильнуть от работы не было никакой возможности. Их оглушили дикие вопли, несущиеся из огромных динамиков. Причем из каждого динамика звучала своя собственная запись, и в этой какофонии ничего невозможно было разобрать.

[Савельев, Кочергина]

Музыкальные пристрастия подростков представляются православным писателям особенно греховными: набожный юноша Серафим, готовящийся к экзаменам в духовную семинарию (повесть «Чудик»), вечером у костра читает своим сверстникам брошюру «Новые дороги в ад: Рок-музыка. Наркомания»: «<...> все производители рок-н-ролла являются членами сатанинских “церквей”. По окончании ритуалов посвящения, когда на пластинку наклано огромное количество демонов, им вменяется в обязанность производить определенное воздействие на тех, кто будет слушать ее» [Ганаго 2008]. В повести Ю. Вознесенской «Юлианна, или Игра

в киднеппинг» бесов радуется музыка группы «Агата Кристи»: «в библиотеку через окна, вентиляционные отверстия, в жерло камина так и посыпались бесы, привлеченные звуками Юлькиной музыки. Они пустились плясать, кривляясь, вертясь <...> Аня <...> молча взяла свою книжку и отправилась читать в сад — Правильно делала, детка, — похвалил ее хранитель Иван, идя за нею в сад. — Эта музыка не для хороших девочек» [Вознесенская]. В книге «Юлианна или игра в дочки-мачехи» припев песни *Besame mucho* интерпретируется как «бесами мучим». В повести монаха Варнавы герои разговаривают с православным композитором:

Скажите, — пользуясь моментом, задал вопрос, который давно его занимал, Стас. — А почему так популярны сегодня совершенно пустые песни? И некоторые группы, за которыми вообще ничего нет — ни мелодии, ни голосов, ни стихов — принимаются переполненными стадионами «на ура»?...

— Все дело в том, что некоторые из них — не буду говорить многие, потому что доподлинно знаю только некоторых — записав новый диск, прежде чем пустить его в продажу, посвящают его... сатане.

— Что?! — подалась вперед Лена.

— Да-да, — подтвердил мужчина, не кровью, конечно, подписывают с ним контракт, но молятся и просят помочь им достичь славы, успеха и денег. Отсюда и бешеный спрос на таких исполнителей, и их песни. А бешеный от какого слова?

[Монах Варнава 2010а, с. 217–218]

Удивляет сходство позиций авторов, поскольку в музыке для подростков, в кофе и чипсах нет ничего «неправославного»: они не отрицают догмы, не призывают нарушать заповеди, не стараются обратиться в другую религию. Отчего же авторы так единодушны в своем агрессивном неприятии подростковой субкультуры?

Можно предположить, что в текстах акцент на том, «как не надо», ставится, поскольку православные писатели не очень понимают, «как надо». Вероятно, проблема в том, что в современной культуре имеется приблизительное представление о том, каким должен быть православный подросток. Интересно, что и у Юлии Вознесенской, и у монаха Варнавы, и у Анатолия Лимонова обратившиеся к Богу дети строят часовню и восстанавливают храм с тем же рвением, с каким когда-то герои советской детской литературы строили клуб. В трилогии Ю. Вознесенской исполнение обрядов, утренние и вечерние молитвы являются необходимым и достаточным средством для защиты от бесовских козней. Бесы сопровождают всех, кто

не исполняет церковные обряды. И наоборот, все бесы сразу же убегают, стоит герою перекреститься и прочесть молитву. Обряды заменяют героям трудную духовную работу, они и так уже достаточно хороши оттого, что ходят в церковь и читают молитвенное правило.

Уходит от описания жизни воцерковившегося героя и протоирей Александр Торик. В кратком, занимающем всего один абзац эпилоге книги семнадцатилетние герои ждут совершеннолетия, чтобы пожениться, а пока обещают батюшке посещать еженедельные беседы для прихожан.

Воцерковленные герои православных повестей часто предстают «маленькими взрослыми», такими, как Серафим из повести Бориса Ганаго «Чудик». Юноша семнадцати лет без конца поучает сверстников: «даже самое “легкое” увлечение православного христианина рок-музыкой есть измена своей вере, есть явное оскорбление своего Господа, удаление от Него, есть общение с духами тьмы, заигрывание с сатаной» [Ганаго, 2008]. Герой нетерпим ко всем, кто не разделяет его веру, сжигает две «магические» книги, Серафим суеверен и постоянно воспроизводит фольклорные тексты, считая сказанное в них истиной. Трудно представить молодого читателя, которого привлечет такой персонаж.

В книгах монаха Варнавы нет такой прямолинейности, герои-мальчишки, обратясь к православию, не лишаются в ту же минуту своих слабостей: они ссорятся с родителями, ленятся, лукавят, жадничают. Правда, малоубедительным представляется образ гопника Макса, превращенного писателем в образцового священника отца Михаила.

Заметим, что на фоне портретов юношей образ православной девушки в повестях для подростков представляется более цельным. Создается впечатление, что в образе главной героини серии «Тайна рубинового креста», деревенской девочки Лены, монах Варнава воплотил свое представление об идеальной женщине. Блондинка с густой косой, Лена занята тем, что без конца кормит главного героя Стаса, в которого она с детства влюблена. Писатель с большим удовольствием описывает ее котлетки, огурчики и пирожки. Отдавая свой дом под гостиницу для паломников, Стас мимоходом замечает, что кормить их будет Лена. В последней опубликованной повести цикла героиня «дорастает» до должности поварахи в археологической экспедиции, работающей в их деревне. Автора не смущает, что между героями мало общего. Стас — интеллектуал, победитель Всероссийской олимпиады по истории, будущий

писатель — решает обручиться с простой деревенской девушкой, но меняет свое решение, как только узнает о ее мнимой измене:

Она, конечно, хорошая, милая, славная... Но после этого мне уже ничего не надо! Ей, конечно, ни слова о том, что видел! Придумаю по ходу дела, что сказать... Но отношения надо разорвать, не медля, раз и навсегда.

[Монах Варнава 2010в, с. 99].

Для Стаса и для самой Лены главное достоинство девушки — целомудрие. Это мнение разделяет герой повести «Чудик», поучая знакомую девушку:

Ты чистоту девичью не сохранила. Это большой грех. Он отзовется на твоих потомках <...> И ходишь ты порой, обнажив пуп — это тоже соблазн для ребят. Они мысленно грешат, глядя на тебя, и тебе быть за это в ответе.

[Ганаго 2008]

Православный подросток, изображенный на страницах современной миссионерской прозы, иногда напоминает экзальтированного взрослого представителя «прихрамовой культуры». Вот портрет девочки, главной героини повести А. Лимонова «Девочка Прасковья»:

Прическу она носила такую, каких сейчас, пожалуй, нигде и не встретишь — две озорные косички до плеч, да еще и повязывала на голове по-старушечьи белый с голубыми горошинами платок. Платье имела длинное, до пят, и широкое, хотя все это ей здорово мешало при ходьбе по горам и кустарнику <...>, я часто видел, как девчонка крестится, молится, кладет многочисленные поклоны на восток, а то и вообще бухается на колени и шепотом просит о чем-то невидимого Бога.

[Лимонов 2009]

Вопрос о художественных прототипах образов положительного героя православных повестей требует более глубокого рассмотрения, отметим лишь некоторое сходство с резонерами из детских повестей XVIII в., когда «проза для детского чтения отвечала двум главным требованиям: была полезной и нравоучительной» [Костюхина 2008, с. 51]. В то же время герои, включенные в оппозицию «порок-добродетель», лишены «доброты сердца», неперменной характеристики «хорошего» героя XVIII в. В наше время положительный герой — не благодетель бедняков, тема благотворительности вообще отсутствует в современных православных повестях.

Согласно социологическим опросам в России к православным себя относит 72% населения, из них меньше половины бывает в церкви больше чем раз в год и только около 4% участвуют в жизни прихода [Сколько в России православных]. Современный типаж представителя «прихрамовой культуры» широко известен, но он порой транслируется писателями как единственно возможный, нормативный и достойный подражания. Собственно православная повесть для подростков пока не состоялась как жанр. Проблема здесь видится, прежде всего, в отсутствии образа героя, ведущего глубокую духовную жизнь. Наиболее перспективными с позиций миссионерской деятельности представляются современные пересказы житий святых.

Православные повести для подростков дают интересный материал для анализа неоднородности современной православной культуры: от мистицизма и фанатизма до «православного гламура». В текстах повестей встречаются сюжеты, в той или иной степени отклоняющиеся от православного канона и даже догматики. Религиозная литература для подростков является зеркалом, в котором отражаются некоторые наболевшие проблемы современного религиозного сознания, например: обрядоверие, суеверие, агрессивное отношение к инакомыслию.

Ситуация вокруг детской литературы вызывает обеспокоенность представителей самой РПЦ. Как отмечает председатель издательского совета РПЦ митрополит Калужский и Боровский Климент, «Сегодня ощущается недостаток в интересных добрых книгах для детей. Мало развивающей литературы для подростков» [Климент].

В настоящее время попытки авторов пропагандировать веру через художественные произведения пока еще не представляются успешными, возможно, в будущем и в православной детской литературе появятся книги уровня «Хроник Нарнии» и сбудутся мечты героя монаха Варнавы:

То есть, понимаете, купит человек, далекий и от истории России и веры, который в храм-то, увы, пока еще не ходит, такую книгу <...> Начнет читать ее, зачитается, а там — в самом увлекательном ключе, чтобы не оторваться: и о нашей истории, и о вере, без которой просто бессмысленно рассматривать эту историю, и вообще обо всем том духовно-нравственно ценном, чем жили наши предки, и что мы сейчас просто катастрофически теряем!

[Монах Варнава 2010в, с. 214]

Источники

- Вознесенская Ю. Н.* Юлианна, или Игра в дочери-мачехи [Электронный ресурс]: URL: http://www.golden-ship.ru/load/knigi_dlja_detej/quot_julianna_ili_igra_v_dochki_machekhi_quot_voznesenskaja_ju_n13-1-0-645
- Вознесенская Ю. Н.* Юлианна, Или игра в киднеппинг [Электронный ресурс]: URL: http://www.golden-ship.ru/load/knigi_dlja_detej/quot_julianna_ili_igra_v_kidneping_quot_voznesenskaja_ju_n13-1-0-609
- Вознесенская Ю.Н.* Юлианна, или Опасные игры [Электронный ресурс]: URL: http://www.golden-ship.ru/knigi/7/vozesensk_UOI.htm
- Ганаго Б. А.* Чудик. Минск: Белорусский Экзархат, 2008 [Электронный ресурс]: URL: http://www.golden-ship.ru/load/knigi_dlja_detej/chudik_ganago_boris/13-1-0-704
- Житие преподобного Василия Нового.* М.: Сибирская Благовзвонница, 2009. С. 14–49.
- Зимний вечер.* Повести и рассказы для детей. СПб., 1853.
- Лимонов А. И.* Девочка Прасковья. Рязань: Зерна, 2009. [Электронный ресурс]: URL: <http://pravoslavnaia-proza.rf/proizvedeniya-pravoslavnyix-pisatelej#limon>
- Лимонов А. И.* Клад отца Иоанна [Электронный ресурс]: URL: <http://www.ownlib.ru/read-227881/anatolii-limonov/klad-otisa-ioanna/page-2.html>
- Лимонов А. И.* Юлька-июлька. Рязань: Зерна-Слово, 2014.
- Монах Варнава а* (Евгений Санин) Белый гонец. М.: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2010.
- Монах Варнава б* (Евгений Санин) Денарий кесаря. М.: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2010.
- Монах Варнава в* (Евгений Санин) Мы — до нас. М.: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2010.
- Монах Варнава г* (Евгений Санин) Святая — святым! М.: Учреждение культуры, искусства, науки и образования «Духовное преображение», 2010.
- Незабудка: Рассказы и стихи:* (Подгот. по публ. в журн. «Незабудка», 1914–1917 гг. — Романов-Борисоглебск: Храм Воскресения Христова); М: Отчий дом, 1998. Православные чудеса в XX в. М.: Трим, 1993.
- Савельев Д., Кочергина Е.* Страна духа [Электронный ресурс]: URL: <http://www.saveljev-kochergina.rf/knigi.html>
- Свирстелев А.* На даче // Незабудка: Рассказы и стихи: (Подгот. по публ. в журн. «Незабудка», 1914–1917 гг. — Романов-Борисоглебск: Храм Воскресения Христова) М: Отчий дом, 1998.
- Торик А.* Димон. М.: Сибирская Благовзвонница, 2009.

Исследования

- Аникин М. А.* О современной православной литературе // Вестник Александро-Невской Лавры. 2014. Апрель. 17.
- Зубарева В. С., Лурье М. Л.* Весьегонские рассказы об отце Сергии Успенском как провинциальный текст // Геопанорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 199–219.
- Климент, митрополит.* О книгах для детей и подростков [Электронный ресурс]: URL: http://izdatsovet.ru/vm/nashim_detyam/
- Костюхина М.С.* Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. М.: ОГИ, 2008.

- Костюхина М. С.* Шитье и рукоделие в нравоучительных нарративах для девиц // Конструируя детское: филология, история, антропология. М.; СПб.: Азимут; Нестор-История, 2011. С. 17–36.
- Кураев А.* Мытарства Феодоры [Электронный ресурс]. URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/15653.html#cutid1>
- Огицкий Д. П., Козлов М. Е.* Православие и западное христианство. М.: Издательство храма св. муч. Татианы, 1999.
- Патриарх Кирилл.* Доклад на Архиерейском совещании [Электронный ресурс]: URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3979067.html>.
- Плюснин А.* Учение церкви о мытарствах // Мытарства нам предстоят. М.: Благовест, 2012. С. 3–7.
- Православная энциклопедия Т. IV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002.
- Сколько в России православных?//Ваше мнение [Электронный ресурс]: URL: <http://www.pollings.ru/2012/03/skolko-v-rossii-pravoslavnyx/>
- Тарабукина А. В.* Фольклор и духовная культура «церковных людей»: Автореф. дис. к. филол. наук... СПб., 2000.
- Христофорова О. Б.* Колдуны и жертвы. Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, 2011.